

«Евгений Примаков смотрел на десятилетия вперед»

БЫВШИЙ ГЛАВА МИДА, ЭКС-ПРЕМЬЕР, В РАЗНЫЕ ГОДЫ ВОЗГЛАВЛЯВШИЙ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АН СССР, СКОНЧАЛСЯ ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ НА 86-м ГОДУ ЖИЗНИ

Это печальное известие минувшей пятницы послужило поводом к тому, чтобы еще раз напомнить всем, что сделал Евгений Максимович для страны. Это с Примакова начался поворот внешней политики России в сторону суверенитета государства, это с его именем связывают возвращение в политический лексикон слова «многополярность», с него, назначенного после «хорошего парня» Андрея Козырева, умеющего говорить своим западным партнерам только «да», в российскую политическую жизнь вернулись достоинство и порядочность.

За восемь месяцев своего правления, с сентября 1998 по май 1999 года, Примаков, по выражению главного коммуниста Геннадия Зюганова, сумел «оттащить страну от кризиса, от пропасти». Президент Фонда исторической перспективы, директор Института демократии и сотрудничества в Париже Наталия НАРОЧНИЦКАЯ, хорошо знавшая академика Примакова, работавшая с ним, рассказывала «Вечерке», каким был Евгений Максимович.

— Евгений Максимович был исполинской фигурой, масштабной, который смотрел не в завтра и даже не в послезавтра, а на десятилетия вперед, понимал, что такое международные отношения. Он с большим отчаянием наблюдал, как мы сдаем одну позицию за другой, прекрасно понимая, что восстанавливать честь и достоинство России нужно немедленно, и его вклад был одним из кирпичиков в той дороге, по которой мы сейчас идем.

— После того как стало известно о кончине Евгения Примакова, на сайте «Коммерсанта» появилась статья, написанная Владиславом Бородулиным еще в 1999 году, — о том, что Россия потеряла 15 млрд. долларов из-за того, что Примаков развернул самолет на полпути в Вашингтон, когда узнал, что США начали бомбить Белград. «Поддержка близкого Примакову по духу режима Милошевича оказалась для него нужнее и понятнее, чем нужды собственной страны», — делает вывод автор статьи. Еще как-то можно понять злопыхательство Запада по этому поводу, но чтобы в России...

— В отношении сербов была совершена чудовищная несправедливость. Перед тем как стали бомбить Белград, в западной прессе была развернута кампания сатанизации сербов. И не только Примаков, но и я тоже наблюдала с бессильной яростью, как топчут наших братьев, а мы ничего не можем сделать. Я тогда на переключных через Болгарию поехала под бомбы в Белград, который был в блокаде, — туда, кстати, поехали все европейские интеллектуалы — профессора Сорбонны, ученые из Австрии... Тогда происходило столкновение двух мировоззрений: нигилистического, раблепного перед Западом, при этом наивно безответственно, с мировоззрением, основанным на наших национальных интересах и на глубококом понимании закономерностей международной политики. Такую же линию проводил Евгений Максимович и во внутренней политике. Когда он был назначен премьером, то приостановил масштабную деиндустриализацию

страны, понимая, что утрата производства приведет к утрате способности вообще что-либо производить в стране. И его заслуги здесь колоссальные.

— Как и до своего премьерства, когда он сменил на мидовском посту Мистера Да — Андрея Козырева, который готов был уступать и уступать...

— Если Козырев не знал разницу между Словенией и Восточной Славонией, то Примаков как историк прекрасно знал историю Балканского узла, которая еще со Средних веков являлась предметом борьбы великих держав, ибо любое крошечное изменение соотношения сил в этом стратегическом регионе сразу меняло соотношение сил вообще.

— И все-таки несмотря на разворот премьерского самолета, России не удалось спасти Милошевича, все пошло по ужасному варианту с отделением от Сербии Косова... Что же тогда значит усилия дипломатов, как это влияет на внешнеполитический курс страны?

— Прежде всего это был один из первых сигналов Западу, что Россия не будет подчиняться ему во всем. Мы знаем, что тогда на президента Ельцина оказывала влияние идеологическая элита, полностью связанная с Западом. Поэтому с Югославией не могло получиться иначе, в отличие от тех шагов, которые сегодня делает российская власть. И когда в Сербии десятки тысяч людей стояли под проливным дождем с плакатами: «Путин, спаси Сербию!» — в этом тоже есть заслуга Евгения Примакова.

кажется, неприменима единая доктрина, здесь нужна очень гибкая политика, нужна рамочная концепция, которая бы имела привязку к местности, как в любом строительстве.

И Примаков это понимал. Он же был практиком, ученым, мыслителем и понимал, что нельзя за социальные эксперименты платить слишком высокую цену — они обесмысливают любые результаты.

Он был еще и реалистом — не применял кабинетные доктрины, начерченные на листке бумаги, а исходил из реальных условий.

— Знаю, что Евгений Примаков был еще и поэтом. У него есть стихи: «Давлю в себе раба, работаю в три смены, но прежним остаюсь в поступках и делах. Быть может, наперед запрограммировали гены до самого конца жить в кандалах?»...

— Эти стихи я могу и к себе приписать. Мне они очень близки. Я с Евгением Максимовичем работала в молодости, а полгода назад, когда он прочитал мое интервью журналу «Story» под заголовком «За что же нас не любят?», где я с историческими экскурсами показывала, как действительно вся наша совместная жизнь с Западом сопровождалась какой-то ревностью, особым отношением, которое свойственно членам некогда разошедшейся семьи, я имею в виду семью апостольско-христианскую, он позвонил мне, хвалил и сказал, что солидарен со мной.

— Наталия Алексеевна, не могу не спросить об Украине. Евгений Примаков считал, что Россия должна признать Донбасс частью Украины и именно с таких позиций вести переговоры с США и Европой. А ввод российских войск туда недопустим. Почему властью не прислушивается к своим оракулам?

— Примаков, как человек независимый, эксперт, открыто высказывал свое мнение. Но что на самом деле происходит? Мы разве признавали Донбасс отделившимся? Нет. Мы разве вводим туда войска? Нет. И постоянно подчеркиваем, что мы не можем этого делать и не будем. По-моему, здесь нет никакого противоречия. А насчет того, что власть не прислушивается... Прислушивается. Просто государство на официальном уровне и в дипломатии никогда не высказывается прямо — это не положено. А независимые политики, эксперты гораздо более свободны в своих высказываниях.

Побольше бы таких людей, как Евгений Примаков, и мы бы не совершили таких утрат, а спокойно перевернули страницу исчерпавшего себя эксперимента. Именно поэтому с Примаковым за честь считали поздравлять и либералы, и коммунисты, и славынофилы, и западники...

Беседовала Людмила КЛУШИНА
Фото: Сергей Фадеичев/ТАСС

— Примерно за месяц до смерти Примаков был на заседании «Меркурий-клуба», где заявил, что Россия потеряла слишком много времени для проведения реальной диверсификации экономики, которую необходимо сделать за два года. Кроме этого он предложил дать регионам максимум экономической свободы, а еще продолжать сотрудничать с США и НАТО, иначе «без этого мы потеряем свою страну как великую державу»... Как это можно выполнить в нынешнем контексте?

— Примаков понимал, что мы ни к кому не должны поворачиваться спиной. По-моему, такую политику и проводит наше руководство. Не мы являемся инициаторами тех враждебных действий, которые совершаются по отношению к нам. Мы постоянно подтверждаем, что это не наш выбор, что мы готовы к сотрудничеству. Другое дело, что в нашей стране инициативы руководства могут утонуть, пока дойдут до мест... Здесь действительно нужна диверсифицированная политика: у нас нет регионов, которые имели бы одинаковый уклад, поэтому к ним, мне